

«Сенсацию не высосешь из пальца», —

считает автор и ведущий программы «Момент истины»

Мир — 1995. — 5 сев. — С. 4.

Андрей Караулов — один из немногих телеведущих, вызывающих у зрителей полярную реакцию: от полного неприятия до восхищения. Несомненно лишь, что «Момент истины» — передача заметная, ее смотрят, о ней говорят. Поэтому мы и решили предоставить слово ее создателю.

— Андрей, что вас, человека, закончившего ГИТИС, пишущего давно о театре, заставило заниматься политикой?

— Я не занимаюсь политикой. У нас в стране профессионально ею вообще мало кто занимается. Я просто работаю на телевидении.

— И тем не менее ваши гости — чаще всего политики, причем из высшего эшелона власти...

— Это разные вещи: можно говорить о политике и не заниматься ею самому. Не раз повторял это, но мне почему-то не верят.

— А с чего началась программа «Момент истины»?

— После того грандиозного скандала, который произошел у меня в «Огоньке» в связи с моей статьей о Григоровиче, я, чтобы как-то заработать на жизнь, пришел в «Театральную жизнь». Решил делать интервью. С кем? С теми, кто интересен. Мне были интересны Битов и Семичастный, Аверинцев и Чурбанов, Шелепин и Куняев, Каганович и Собчак... А потом родился «Момент истины».

— А кто был первым гостем?

— Геннадий Бурбулис. Один из немногих, кто не предавал Ельцина.

— Сегодня, спустя три года, вы можете сказать, насколько передача соответствует своему названию?

— Любая передача обязана оправдывать свое название. Причем из раза в раз. Часто это у меня не получается. То, что я делаю, многих отталкивает. Но кто сказал, что каждая передача должна нравиться? Мне не интересны светские беседы. Интересно показать на экране думающего человека.

— А кто произвел на вас наиболее сильное впечатление и глубже других раскрыл свою «истину»?

— Часто бывает, что, зная человека много лет, не предполагаешь, что в эфире он «прозвучит» именно так. Недавно Фазиль Абдулович Искандер на мой вопрос «Не оказались ли 3 года правления Президента Ельцина в чем-то страшнее, чем предшествующие 70 с лишним лет при Ленине, Сталине, Брежнев?» ответил: «В чем-то, наверное, да. В чем-то — да...» Для меня это было потрясением. Писатель либерального направления, автор таких романов — и вдруг такое неожиданное признание. Искандер — редкий человек, он не врет. Не умеет.

— Андрей, вы сами можете опделить сильные и слабые стороны своей программы?

— Передача живая, она не делается по схеме, но друзья ругаются очень. После разговора с президентом АО «Дока-хлеб» Довганем одна моя приятельница сказала, что я безнадежно устарел и ни черта не понимаю в рынке.

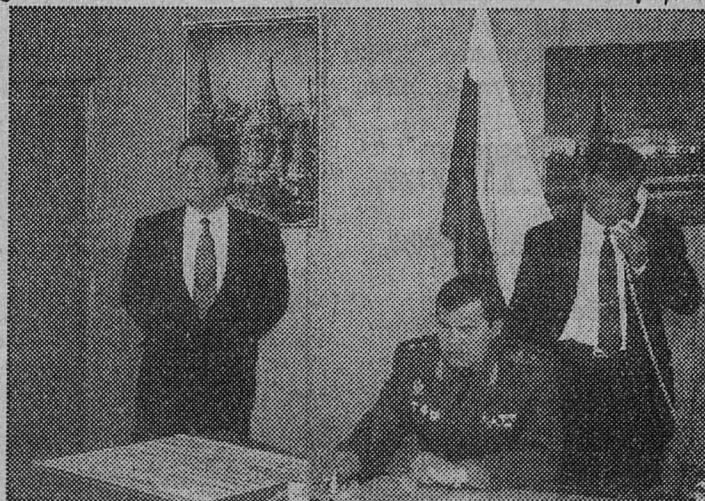
— Владимиру Довганю вы заявили, что «ненавидите» таких, как он. Как это высказывание сочетается с понятием журналистской этики и значит ли она что-то для вас?

— Конечно, значит. Но, прошу прощения, я приглашаю людей, в первую очередь мужчин, для мужского разговора. Если мое убеждение таково, что я не могу этот вопрос не задать...

У нас всю жизнь было что-то нелзя. Лозунг «Тише, враг подслушивает!» до сих пор сидит в каждом из нас. Вы слышали, как ведет свои программы Лари Кинг? Мы безнадежно отстаем от того уровня глубины и откровенности, который разрешает себе любое западное (или американское) ТВ. Ты министр? Ты и твоё министерство живут на наши деньги — налогоплательщиков. А раз так, будь добр, не вливай, не суепись, говори как есть. Вы знаете, что мы единственные журналисты в мире, кто «визрирует» свои интервью? В моей монтажной перебивали все — от Хасбулатова и Шохина до Плисецкой. Не приезжали только двое — Андрей Козырев и Иван Рыбкин. Я это оценил. А вот кассеты отсылали всем: и Анатолию Собчаку в Питер, и Вадиму Козину в Магадан. Это и есть профессиональная этика. Последнее слово за героями программы, и они могут вырезать все, что их не устраивает. Парадокс в том, что, как правило, никто ничего не убирает.

— И все же во многих своих программах вы загоняете собеседника в угол, не давая ему высказаться. Это и есть «карауловский метод»?

— Не могу спорить, если вам так кажется. Но здесь нет «приема». Во время передачи я чувствую: происходит что-то неожиданное. Мне — интересно. И я должен (это моя профессия) дойти до упора, все понять. Зритель часто не любит меня именно за это. Для него это дико: «Как так можно!» Но на самом деле

он ждет именно этого. Иначе будет ощущение недосказанности, неудовлетворенности. Или: «А, вырезали!» У нас не откровенное телевидение. Откровенных передач мало: «Подобности», «Без ретуши», «Политбюро»...

— Ну коль мы заговорили о проблемах отечественного телевидения... Такие программы, как ваша, «Итоги» Киселева и ряд других, как-то влияют на общественное мнение?

— Почти нет. Когда Таня Миткова плакала в эфире, рассказывая о событиях в Вильнюсе в 90-м году, тогда еще можно было как-то повлиять. Сегодня — другое время. У нас практически нет общественного мнения.

— А для кого и чего тогда выходят подобные программы?

— Иногда человек, строя дом, понимает, что в конце концов он рухнет. Но попробуйте отговорить его строить!

— А как вы встретили последнюю публикацию в «Собеседнике», где приводятся магнитофонные записи ваших телефонных разговоров, отнюдь не характеризующие вас как человека благовоспитанного?

— С удовольствием. Создан прецедент — уже никто не скрывает, что наши телефоны на «прослушке», теперь слово за прокуратурой. Она начала расследование.

— Не боитесь делать столь резкие шаги?

— Если хочешь что-то доказать, надо подставлять голову. Проиграешь — потеря репутации. Победишь — тебя поймут.

— Андрей, среди ваших коллег есть те, чей профессиональный уровень вас восхищает?

— Почему-то считается, что телевизионщики враждуют между собой. Фокус-то весь в том, что мы все давно знакомы: Таня Миткова, Женья Киселев, Николай Сванидзе, Ариша Шарапова, Матвей Ганапольский, Саша Политковский, Влад Листьев...

— А как насчет конкуренции?

— Я никогда над этим не задумывался. Мне кто-то недавно сказал, что я «закрыв» Урмаса Отта. Во-первых, Урмас тоже мой товарищ. Во-вторых, у меня другой канал. А в-третьих, каждая программа рано или поздно умирает. Я дал себе срок: делаю передачу до 1 января 1996 года. И все.

— Но пока она существует, вернемся к ней. В одной московской газете я прочитала, что после инцидента с передачей Артема Боровика «Совершенно секретно» ваша программа тоже будет подвергаться цензуре. Это возможно?

— Я об этом ничего не знаю. Прочел в газете и очень удивился. Уже больше года Олег Попцов, председатель ВГТРК, не вмешивается в содержание «Момента истины». По договору, который я заключил с РТВ, они имеют право снять с эфира готовую передачу, но не имеют права вмешиваться в ее содержание. Хотя... В последнее время мне стало труднее общаться с руководством Российского телевидения.

— А было желание уйти, к примеру, на НТВ?

— Были такие мысли, ведь я не состоял и не состою в штате РТВ. У каждого телевизионщика наверняка бывают моменты в работе, после чего хочется уйти. Первый раз это случилось, когда программу, в которой выступал Павел Гусев, редактор «Московского комсомольца»,

сняли с повтора в утреннем эфире, сославшись на профилактические работы. Чепуха. Просто Гусев очень резко отозвался об Александре Руцком. В этом и была причина.

— Андрей, а теперь я хочу поговорить о другом. Ни для кого не секрет, что свои программы вы ведете в своей квартире, на кухне. Что, премьер-министр Виктор Черномырдин тоже придет к вам домой?

— Мы договорились с Виктором Степановичем о встрече. Если ничего не изменится, она скоро состоится. Вообще я не сторонник говорить в кабинетах. Что плохого, если Черномырдин придет ко мне в гости? Ведь он прежде всего человек, а уж потом премьер.

— Любопытно. Но гости такого ранга не приходят просто так. Их сопровождает охрана, помощники... Как к этому относятся ваши близкие, соседи?

— Один раз наш Филипп устроил скандал. Он пришел из школы, а у меня снимался Гайдар. Охрана в квартиру его не пустила: «Мальчик, уходи, не мешай...» Филипп спокойно дождался в коридоре на подоконнике, пока гости не уехали, потом позвал меня и заявил, что он тоже человек и не обязан стоять под дверью дома, где живет. Возразить было нечего. Охранник попался беспотолковый. А в остальном проблем не вижу.

— Вы знакомы со многими «сильными мира». У нас в стране это порой выходит боком. Вы смелый человек?

— Думаю, что нет. Потому что пару раз испытал настоящее чувство страха. Но я все равно буду серьезно делать свое дело. Иначе оно теряет смысл.

— Вы пригласили в свои будущие передачи ряд известных людей. Чего ждать зрителю — очередных сенсаций?

— Если ставишь себе цель: «Я хочу, чтобы была сенсация», — ее никогда не будет. Сенсация, такая вещь — она, как смерть, приходит сама. Ее не высосешь из пальца.

— И последний вопрос: Андрей, вам самому нравится ваша манера вести программу?

— Это все равно, что спросить: «Нравится тебе, как ты живешь?» Я такой, какой есть. По-другому не умею. И не хочу, это главное...

Беседу вела
Арина БОРОДИНА.
Фото из личного архива
Андрея КАРАУЛОВА.